

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1654-1665
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1654

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Psychology of Religion in the Infosphere of the Russian Theological Academies of the XIX – beginning XX centuries. (on the example of the St. Petersburg Theological Academy)

Olga K. Mikhelson ^{a,*}, Nikolai S. Poliakov ^a

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The paper treats the infosphere of the spiritual educational institutions of Russian Empire in the second half of the XIX – early XX centuries in the field of psychology of religion. Special attention is paid to the psychology of religion at the St. Petersburg theological academy. The article presents the history of the formation and development of the psychology of religion among the St. Petersburg clergy, traces its path from experience psychology to experimental psychology, highlights the specific characteristics of the St. Petersburg theological academy psychology of religion school. It is demonstrated that the psychology of religion in prerevolutionary Russian spiritual educational centers, although developed within the Orthodox theological tradition, was located within the world information field of the period, and was significantly influenced by advanced philosophical and scientific theories of that time, and in some particular issues was even ahead the Western tradition of the psychology of religion. Special attention is paid to the interpretation of the theories of A.A. Fischer, the founder of experience psychology in Russia, I.A. Chistovich and his course of “Experience Psychology”, V.N. Karpov’s approach to psychology of religion as the foundation of ethics, V.S. Serebrennikov and the shift from experience psychology to experimental psychology, mostly inspired by W. Wundt’s ideas. The paper demonstrates that a more natural-scientific and, to a lesser extent, humanitarian approach to the psychology of religion was formed among the St. Petersburg clergy than in other theological academies of Russia, which corresponded to the status of St. Petersburg as a world center for the research of physiology and psycho-neurology of that time.

Keywords: psychology of religion at the St. Petersburg theological academy, experience psychology, experimental psychology, Chistovich, Karpov, Serebrennikov.

1. Введение

Психология, понимаемая в отечественной духовной традиции как наука о душе, а соответственно, максимально приближающаяся к христианскому пониманию психологии религии, играла одну из ключевых ролей в российском религиозном образовании второй половины XIX в., поскольку, начиная с 1850 г., в программах духовных учебных заведений учебные курсы по психологии заменили запрещенную властями философию, которая воспринималась как опасная и ведущая к вольнодумству. Впоследствии философия была возвращена, но часто именно как часть психологии, а в духовных академиях были открыты кафедры психологии. Задача данного исследования заключается в определении информационного поля, в котором создавалась отечественная православная традиция психологии религии, что требует помещения теорий российских мыслителей в общий мировой контекст психологической науки того времени и выявления влияний западной философской и научной литературы на формирование психологии религии в духовных учебных заведениях Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. В свою очередь психологические труды отечественных богословов, в том числе созданная ими

* Corresponding author

E-mail addresses: olia_mikhelson@mail.ru (O.K. Mikhelson)

учебная литература, формировали инфосферу духовных академий, бесспорно воздействуя на студенчество и определяя его подход к психологии религии.

2. Материалы и методы

Основной источник данного исследования – труды преподавателей духовных академий России второй половины XIX – начала XX вв., как исследовательские, так и методические. Поскольку объем статьи не позволяет представить всю богословскую традицию психологии религии указанной эпохи, особое внимание было уделено подходам, выработанным в СПбДА, в частности А.А. Фишером, В.Н. Карповым, И.А. Чистовичем и В.С. Серебренниковым, хотя они также помещены в контекст российской и мировой науки. Для изучения обозначенных выше источников использовался текстологический метод, включающий в себя раскрытие внутреннего содержания и логики источников, а также вычленение и анализ основных положений и понятий, выдвигаемых их авторами. Герменевтический метод интерпретации текста, подразумевающий социокультурный контекстуальный анализ, был необходим для того, чтобы учитывать общий контекст, в котором эти труды создавались, что способствует более полному пониманию и раскрытию смыслообразующих положений работ. Также использовался сравнительный метод, позволивший обнаружить параллели и различия между разными источниками, таким образом определив их взаимовлияние и специфику. Указанная методология позволила очертить интеллектуальное пространство и информационное поле российских духовных академий XIX – начала XX вв. в области психологии религии.

3. Обсуждение

В последние годы вышло немало работ, посвященных анализу развития психологии в целом и психологии религии в частности в духовных школах России XIX–XX вв. Их авторы представляют варианты осмысления психологической мысли профессоров духовных академий Российской империи в первую очередь в русле православной богословской традиции. История преподавания психологии и психологии религии в отечественных духовных школах представлена Л.Ф. Шеховцовой и Ю.М. Зенько, указавшими не только профессорско-преподавательский состав, занимавшийся вопросами психологии, темы и направления их исследований, но и отметившими ряд студенческих работ (Шеховцова, Зенько, 2017). Значительное количество статей, написанных в основном преподавателями православных университетов, посвящено отдельным персоналиям и их концепциям, но также существует и ряд работ общего характера (Костригин, Стоюхина, 2016; Мазиллов, Костригин, 2016; Хондзинский, 2015), в том числе знакомящих с подходом к психологии и психологии религии в СПбДА (Стебнев, 2017). Бесспорно, труды профессоров духовных академий России упоминались и в исследованиях, посвященных изучению истории отечественной психологии (Абульханова-Славская, Анцыферова, Брушлинский, 1997; Ананьев, 1947; Михельсон, 2018), однако представляется, что им незаслуженно уделено недостаточное внимание, т.к., например, учебник «Общей психологии» Чистовича вполне стоит разбирать как заметную веху в отечественном психологическом дискурсе, особенно для своего времени. Проблематика инфосферы отечественных духовных академий рассматривается Т.В. Чумаковой (Чумакова, 2022).

4. Результаты

Психология как наука о душе и формирование конфессиональной психологии религии в России

Начать разговор о психологии религии в отечественных духовных академиях следует с того, что традиционно в период, предшествовавший выделению психологии в отдельную отрасль естественно-научного знания, произошедшего ближе к концу XIX в., психология понималась как наука о душе, причем вполне в христианском смысле. Весьма симптоматично в этой связи, что в качестве первой отечественной работы, «специально посвященной психологии» (Ананьев, 1947: 2), как правило, указывается книга именно московского протоиерея Иоанна Кандорского «Наука о душе, или ясное изображение ее совершенств» 1796 г. (Кандорский, 1796: 5). Иными словами, во многом психология разрабатывалась внутри не только философской, но и богословской мысли, что особенно типично для России. Стоит отметить, что еще на протяжении практически столетия, прошедшего с работы Кандорского, психология в России будет пониматься как «наука о душе» и, соответственно трактоваться и разрабатываться преимущественно конфессионально. В итоге это приведет к существенной полемике относительно понимания психологии как науки, что найдет свое отражение в знаменитой статье И.М. Сеченова 1873 г. «Кому и как разрабатывать психологию» (Сеченов, 1947).

Поэтому закономерно, что интерес к «науке о душе» в кругах русского духовенства был значителен. Начиная с 1808 г., психология, понимаемая конфессиональным, а не научным образом, постепенно проникает в программы обучения семинарий, поскольку ряд вопросов «науки о душе» разбирается в рамках курсов по философии. В 1836 г. в Киевской духовной академии архимандрит Феофан (Авсенеv) начинает читать курс психологии в рамках занятий по философии и логике. При этом совершенно не случайно другой профессор Киевской духовной академии, Ф.А.Терновский, в 1884 г. указывает, что Авсеев читал «историю души» (Терновский, 1884: 9). Христианское понимание

психологии вплоть до конца XIX в. было общепринятым в России, тем более в духовных кругах. Преподавание психологии в Санкт-Петербургской духовной академии также изначально было введено в рамках курса по философии, который с 1843 г. (и вплоть до запрета преподавания философии и закрытия кафедр философии в российских университетах в 1950 г.) читал А.А. Фишер ([Колубовский, 1901](#)).

Опытная психология А.А. Фишера

Австриец по происхождению, Фишер был хорошо знаком с вольфианской школой, и этот подход лежал в основании преподавания философии в учебных заведениях России середины XIX в. Следует отметить, что именно в работах Христиана Вольфа психология получила статус отдельной дисциплины. Как отмечает В.В. Васильев, «в этом смысле справедливо будет сказать, что Вольф создал психологию как науку» ([Васильев, 2010: 26](#)). Взгляды Вольфа и его последователей на психологию, с одной стороны, как рациональную, а с другой – эмпирическую претерпели некоторое изменение, и в поздних работах Вольф относит эмпирическую психологию к области философии, в отличие от рациональной, которую он считает «наукой о том, что возможно посредством человеческой души» ([Васильев, 2010: 34](#)). В своих предшествующих программных работах по психологии «Рациональная психология» (1732 г.) и «Эмпирическая психология» (1736 г.) Вольф предлагает традиционное христианское тройственное деление человека на тело, душу и дух. В своей эмпирической психологии он исследует «душу отдельно от тела – в соответствии с декартовскими принципами» ([Васильев, 2010: 32](#)). Затем Вольф рассматривает материальный физический мир, после чего вновь переходит к психологии, объясняя соотношение души и тела, а потом рассуждая «и о высшем условии психофизического взаимодействия – о Боге» ([Васильев, 2010: 32](#)).

Влияние вольфианских идей заметно в труде Фишера «Введение в опытную психологию», хоть и написанного через столетие после работ Вольфа. Под «опытной» психологией в России того времени понимается не чисто умозрительный подход, свойственный теологическому учению о душе, а основанный на опыте, наблюдении и интроспекции. Согласно Фишеру, цель психологии – «объяснить духовные явления» ([Фишер, 1839: 6](#)), при этом он считает, что психология – наука сугубо опытная, однако на «жизнь души» можно смотреть метафизически. Фишер отмечает: при «двух совершенно различных в нас совершаемых процессах – органическому и духовному, весьма естественно предположить два соответствующих им начала, а следовательно, кроме видимого тела, допустить и невидимый дух, основание и опору явлений духовных, как почти всегда и предполагали» ([Фишер, 1839: 7](#)). Фишер замечает, что его опытная психология не занимается «вопросом о природе и существе духа, его самостоятельности и совершенном отличии от материи» и оставляет философии «мнение о природе души», поскольку «к наукообразному» изучению души, что он расценивает как задачу своего труда, «ведут только психологические исследования». Однако он отмечает, что существование особого духовного начала, изучение которого является прерогативой метафизики, подтверждают и «правила строгого естествознания» ([Фишер, 1839: 33](#)).

Вполне в вольфианском ключе Фишер решает и вопрос о соотношении философии и опытной психологии. Последняя выступает в его системе подготовительной ступенью для философского осмысления, однако опытная психология имеет большое значение, поскольку без нее философия – «лишь мечта воображения», лишенная естественно-научных оснований. Еще одно сближение концепций Вольфа и Фишера мы видим в упоре Фишера на важность воспитания души и воспитательную ценность философии, в основе которой опять же лежит опытная психология. Поэтому Фишер уверен, что каждый человек должен заниматься изучением опытной психологии. В этой связи опытная психология имеет и высокую прикладную ценность, в частности, ее данные, согласно Фишеру, должны учитываться при разработке уголовного законодательства.

Именно воспитательный аспект выдвигаемой Фишером платформы опытной психологии придает последней столь высокую значимость. Так, Фишер подчеркивает: «Если все вообще наше земное существование имеет свое значение и свою цену единственно только по отношению своему к жизни будущей, вечной, то без сомнения, наше знание тем благороднее и драгоценнее, чем более возвышает оно дух наш над тленностью и ничтожностью жизни чувственной, чем более ведет оно к созерцанию нашего вечного назначения, наполняет сердце наше благоговением, любовью и умилением к Богу, и утверждает нас в той радостной уверенности, что всеблагий Бог, создавший человека, украсил его дарами своими пред всеми земными творениями, избрал его своим подобием, своим любимцем» ([Фишер, 1839: 51](#)). Завершает свой труд Фишер утверждением, что опытная психология, от поверхностного изучения которой «произошли вольнодумства и безверие», при ее «основательном и добросовестном» исследовании, напротив, может стать основой веры, чтобы «представить христианство в полном блеске славы и благотворным лучам его открыть вход даже в сердца тех, которые в гордости знания до сих пор смотрели на веру как на посох немощного» ([Фишер, 1839: 53](#)).

Итак, Фишер вполне в духе Просвещения видит воспитание и исправление человеческой природы целью опытной психологии и философии. Соответственно, его проект опытной психологии оказывается основанием для морального совершенствования человека, и более того, он призван раскрыть природные наклонности человека к благу и к богу, тем самым становясь основанием уже не

только философского знания, но и веры. Соответственно, мы видим, как Фишер выступает апологетом научной психологии, поскольку его опытная психология включает научный подход, но при этом он пытается некоторым образом ее «оправдать», вписав в богословскую картину мира, указывая на принципиальное значение именно опытной психологии в воспитании души.

И.А. Чистович и его «Курс опытной психологии»

Ученик Фишера, И.А. Чистович продолжил исследование и преподавание психологии в СПбГА. В своем Курсе опытной психологии он определяет последнюю как «науку о душе человеческой как реальном основании духовной жизни человека» (Чистович, 1868: 3), следовательно, вполне очевидно, что Чистович трактует психологию в религиозном смысле. Он пишет свой учебник через десять лет после сочинения архимандрита Гавриила (Кикодзе) «Основания опытной психологии» (Кикодзе, 1858), и закономерно мы можем обнаружить в этих трудах заметные параллели, в том числе методологические. Во введении в свой учебник Кикодзе отмечает: «Весь наш организм есть орудие души», душа постоянно проявляет себя в его изменениях и состояниях; следовательно, изучая эти состояния организма, «мы познаем свойства самой души». Он подчеркивает, что любое «душевное явление, всякий внутренний факт», может быть предметом интроспекции, поскольку «самосознание наше есть постоянный внутренний опыт». И метод самонаблюдения (интроспекция) «нигде не может иметь такого обширного применения, как в психологии», которая должна «отбросить в сторону бесплодные умозрения» и обратиться «к строгому опыту, беспристрастным наблюдениям, анализу явлений и фактов», поскольку это «превосходный метод», придающий естественным наукам «завидную точность, занимательность и основательность» (Кикодзе, 1858: 1-2).

Чистович стоит на тех же позициях, постулируя значимость именно опытной части психологии. Он начинает свою работу с представления своей концепции сознания, рассматривая его как «общую и основную форму нашей душевной жизни», которую «нельзя производить из деятельности других душевных сил: ощущения, представления, мышления, желаний и чувствований, потому что оно ни с одной из них не связано исключительно, но есть постоянный спутник всех психических процессов» (Чистович, 1868: 10). С другой стороны, сознание не является и «производителем душевных состояний, потому что оно от себя ничего не привносит в содержание душевной жизни, но только освещает данные уже явления душевной жизни, делая их различными одно от другого в их качественной определенности» (Чистович, 1868: 10). Согласно Чистовичу, в душе человека бывает два рода состояний: произведенные телом (ощущения) и произведенные духом (самостоятельные желания и побуждения). Первыми управляют психофизические законы, вторыми – «психические, или законы духа». Таким образом, единство сознания и тождество личности (Чистович, вслед за Локком, придерживается теории тождества личности) обеспечиваются именно душой.

В русле теории И.Ф. Гербарта, описывающего подпороговые бессознательные части сознания (Гербарт, 2007: 96-97), Чистович делил психическую жизнь на сознательное и несознательное (бессознательное). Он замечал: «Даже самая малоразвитая человеческая душа имеет такое бесчисленное множество представлений, что произошел бы совершенный беспорядок, если бы каждое из них постоянно находилось в сознании», поэтому, согласно Чистовичу, бог «установил смену сознательности и несознательности представлений» (Чистович, 1868: 51). При этом бессознательное постоянно воздействует на сознание.

Стоит отметить, что методологически Чистович пытается совместить богословский и научный подходы и находит основания физиологии и психологии в боге, также рассматривая вопросы, скорее относимые к области философии, – логику, эстетику, этику и даже семантику. Показательный пример хода аргументации Чистовича – его рассуждения о языке. Он пишет: «Рассмотрение физиологических и психологических условий происхождения и образования языка приводит нас к убеждению, что язык есть ни непосредственно дело Божие, ни произвольное изобретение человека, но что он образовался и образуется по законам духовно-чувственной природы человека» (Чистович, 1868: 107). Очевидно, что Чистович находит интересный способ объединить естественную природу возникновения языка с основанием этой природы в боге. Еще более красноречива трактовка Чистовичем феномена инстинктов. «Внешнее основание инстинкта заключается в общей целесообразности природы. Инстинктивные силы, достигая своих целей, не сознают ни этих целей, ни способов, которыми они достигают их. Но так как нельзя представить целей, не признавши бытия ума, который один может поставить цели для деятельности, то, следовательно, допуская цель в явлениях инстинкта, мы должны признать бытие Высшего Ума, который, создавши силы природы, направил их к деятельности, сообразной с поставленными на них целями» (Чистович, 1868: 123). Таким образом, Чистович, как до этого делал и Фишер, пытается совместить использование научного подхода с собственными теологическими воззрениями, находя основание естественных явлений в боге.

В духе Ж.-Ж. Руссо и других философов Просвещения Чистович описывает «естественный характер», основывающийся на естественной свободе, и «нравственный характер», основывающийся на нравственном выборе, который воспитывается и поддерживается воспитанием (Чистович, 1868: 179). С этими аспектами характера человека тесно связана теория чувств, разработке которой посвящена значительная часть труда Чистовича. Он выделяет умственные, нравственные, эстетические и религиозные чувства. Стоит подчеркнуть, что системное рассмотрение и изложение

этой темы Чистовичем практически на три десятилетия предвосхитило посвященную феноменологии чувств работу Теодюля Рибо «Психология чувств» (*La Psychologie des sentiments*), вышедшую в 1896 г. и изданную на русском языке уже через год (Рибо, 1897).

Согласно Чистовичу, религиозное чувство может принять «множество форм и оттенков» в зависимости от того, «насколько полны и возвышены идеи человека о Божестве и его свойствах по естественному настроению души». Оно принимает форму экзальтации «в душах нежных», соединяясь в них «с пламенным воображением». У людей «с развитым самообладанием» оно имеет более спокойную форму, поскольку в этом случае «нравственный порядок жизни устанавливается убеждением». По своей природе религиозное чувство – «чистое и высокое», однако под воздействием «одностороннего настроения ума и влиянием сердца» оно может получить «ложное направление». Два типичных варианта «злоупотреблений», вызванных этим ложным направлением религиозного чувства, по Чистовичу, – исступление и фанатизм. В случае исступления человек, «чрезмерно увлекаясь воображением, считает свои мечты видениями и откровениями духовного мира и усваивает себе непосредственное общение с Богом». В случае фанатизма человек, «преследуя какую-то ложно поставленную, преимущественно религиозную цель, направляет к ней все свои мысли и действия и только по отношению к ней определяет достоинства всех действий и не соглашающихся с ним в мыслях и поступках преследует как врагов религии или безбожников, думая тем угодить Богу» (Чистович, 1868: 181-182). Как можно заметить, Чистович довольно критично оценивает эти крайние степени проявления религиозных переживаний.

Разработав свою теорию «злоупотреблений религиозными чувствами», Чистович предвосхитил идеи, в дальнейшем разрабатываемые во французской школе психологии религии, занимавшейся различными психопатологиями, возникающими на основе религиозности, таким образом снова опередив свое время. В 1901 г. швейцарский философ и психолог Э. Мюрисье в своей работе «Расстройства религиозного чувства» будет доказывать, что заболевания, связанные с религиозными эмоциями, демонстрируют две основные тенденции (в здоровом состоянии неразделимые), соответствующие индивидуальному и социальному элементам в религии: мистицизм и фанатизм. Если выделяется и преувеличивается индивидуальный элемент, мы имеем дело с мистиком, ищущем облегчения в тяжелом психологическом и физическом беспокойстве, заикленном на одной, главной идее; когда же увеличивается социальный элемент, мы имеем дело с фанатиком (Murisier, 1901). Эти идеи Мюрисье очевидным образом перекликаются с пониманием сходных явлений Чистовичем.

В оставшейся части учебника Чистовича им предстает интерпретация взаимоотношений души и тела, а также психических и телесных проявлений, влияющих на душу, таких как темперамент, пол, возраст и т.д. Душа и душевные явления, согласно Чистовичу, не имеют никакой материальной природы и, в отличие от тела и других материальных предметов, не имеют никаких материальных оснований. Следовательно, душа принципиально не материальна и трактуется Чистовичем вполне в христианском стиле, как целостная (единая), простая и подлинная. При этом дух понимается Чистовичем в близкой взаимосвязи с душой, и, хотя Чистович полагает, что в душе нет никаких частей или отсеков, он отмечает, что порой трудно провести черту между духом и душой, так тесно они переплетены. В результате он приходит к выводу, что понятие духа не обозначает какого-либо особого начала или некой высшей природы, стоящей над душой, а составляет ступень развития души. Чистович пишет: «Человеческая душа, которая сознает себя в своей деятельности как деятельное начало, самоустраивающее и оценивающее свою жизнь по идеям истинного, доброго и прекрасного, называется духом» (Чистович, 1868: 196). Фактически Чистович объединяет душу и дух, и в этом плане он расходится с другим традиционным богословским подходом – трихотомией, рассматривая дух как самосознающую и саморефлексирующую душу.

Что касается диалектики души и тела, Чистович закономерно подчеркивает, что у них две принципиально противоположные природы, что доказывается в их реальных опытных проявлениях. Но между ними есть тесное взаимодействие и взаимопроникновение, и тело есть орган души, посредством которого душа общается с внешним миром и осуществляет какую-либо деятельность. Но при этом душа также зависима от тела, поскольку тело может воздействовать на душу, например, вследствие болезни. Оказывают влияние на душу и такие телесные особенности, как темперамент, пол и возраст. Любопытно, что Чистович также рассматривает феномен сна, характеризуя его с психологической и физической стороны. Сон представляет для него интерес не только из-за того, что в это время начинается исследование сна в психологии, но и поскольку сон уникальным образом объединяет тело и душу, воздействуя на оба эти начала. «Сон есть как бы хаотическое, неупорядоченное состояние духа, в котором различные образы возникают и смешиваются между собой без участия упорядочивающей их воли» (Чистович, 1868: 217).

Кикодзе выразил эту мысль еще четче, утверждая, что «во многих психологиях встречается мысль, что человек состоит из трех начал или существ, а именно: тела, души и духа». Но это мнение «не может быть допущено», и возникло исключительно из стремления найти более простой способ, чтобы объяснить «соединение в человеке духовного и телесного», поскольку тогда неким посредником между телом и духом выступает душа. Заканчивает свои рассуждения Кикодзе следующей сентенцией: «Нет нужды доказывать невозможность этого тройственного состава

человека, но что сказать о тех психологах, кои придумывают еще более странные деления человека и толкуют о душе в обширном значении, о душе в тесном смысле и о духе? Это уже более чем смешно» (Кикодзе, 1858: 37). Несмотря на гневные замечания Кикодзе, стоит отметить, что как трехстороннее (трихотомическое), так и двухстороннее (дихотомическое) богословие имеют давнюю традицию в христианстве. Обычно они трактуются как непротиворечащие друг другу, поскольку дихотомия не отрицает наличия духа, а трихотомия признает только две природы человека: телесную и духовную (Давыденков, 2013: 284-287). Для православного богословия, пожалуй, типичнее дихотомия, что подтверждается как подходом Чистовича, так и Кикодзе.

Завершая разбор учебника Чистовича по опытной психологии, важно упомянуть, что он был высоко оценен, получив первую премию митрополита Макария, которые и позднее присуждались духовной учебной литературе, и был рекомендован для всех учебных заведений. В заключении Учебного комитета Святейшего синода отмечалось: «С появлением книги Чистовича в первый раз является курс опытной психологии, обработанный вполне научным аналитическим методом и знакомящий насколько это возможно и уместно в учебном руководстве с новейшими психологическими исследованиями» (Первое присуждение, 1869: 80). На протяжении еще трех десятилетий он будет использоваться как основной курс по опытной психологии во всех учебных заведениях России, формируя представление студентов о психологии и ее основных понятиях, принципах и теориях, таким образом определяя их информационное поле в вопросах психологии религии.

Выпускник Санкт-Петербургской и профессор Киевской духовных академий, П.С. Авсенеv также внес вклад в развитие отечественной опытной психологии, хотя его подход скорее предстает сугубо богословским, недаром он сам пишет, что иное наименование психологии – антропология или «философия подлежащего духа». Психологию он также понимает как науку об «устройстве и жизни души», нацеленную на самопознание человека (Авсенеv, 1869: 2). В психологии Авсенеv выделяет три ступени: первая из которых – «опытная», поскольку источником психологии являются внутренние переживания человека, следующие – умозрение и Откровение. Методом опытной психологии Авсенеv называет наблюдение, а ее смысл видит в том, чтобы оказать «важную услугу» естественным наукам, поскольку она выступает своеобразным мостом между материальным и духовным мирами, и между миром естественных наук и теологией. В качестве примера, иллюстрирующего этот тезис, Авсенеv приводит «животный язык», который «служит преобразованием человеческого слова, а оно уже является образом слова Божественного» (Авсенеv, 1869: 15). Как нетрудно заметить, сочинение Авсенева разительно отличается от «Курса опытной психологии Чистовича», поскольку на самом деле скорее представляет собой работу по православной антропологии.

В.Н. Карпов. Психология религии как основа этики

В том же 1868 г. в свет выходит сочинение В.Н. Карпова «Вступительная лекция в психологию» (Карпов, 1868), также профессора СПбДА, наиболее прославившегося своими переводами Платона. Карпов отмечает, что психология как наука о душе «рассматривает приобретаемые внутренним опытом факты, пользуясь материальными плодами самопознания» и определяя их «значение и достоинство». Исследуя различные факты самопознания, психология способна «объяснить природу, происхождение и назначение человека» и так всесторонне определить «законы его деятельности» (Карпов, 1868: 192). Начало психологии, как и Чистович, Карпов видит в сознании. При этом он критикует материалистический подход к душе и к пониманию сознания, считая, что подобная материалистическая интерпретация легитимизирует упадок нравов в обществе. Карпов пишет: «Сознание есть свет, развевающий таинственный мрак, которым облечено нравственное существование человека. Это светильник, при котором видно все, что в нем есть, и без которого все было бы погребено во тьме безотчетных животных ощущений» (Карпов, 1868: 195). Поэтому исследование сознания – основа психологии, и его смысл «в озарении фактов познающей, желающей и чувствующей» природы человека. Рассматривая вопрос о предмете психологии, Карпов замечает, что она «стоит на точке сознания фактов внутреннего опыта» и своими заключениями «готова проникнуть и в смежные с сознанием пределы неосознаваемого» (Карпов, 1868: 198). То есть Карпов, как и Чистович, фактически пишет о том, что психология занимается не только сознанием, но и бессознательной сферой человека, в чем также наследует традиции Гербарта.

Карпов также полагает, что психолог должен так ограничить свой предмет, «чтобы само это ограничение давало право рассуждать о разумно-свободной душе вообще» и давало возможность исследованиям выходить на общечеловеческий уровень и иметь общечеловеческое значение. Для того чтобы этого добиться, в психологию, согласно Карпову, следует ввести разграничение понятий материи и формы фактов внутреннего опыта. По мнению Карпова, материю явлений внутренней жизни человека «составляет все то, что существенно входит в нравственную ее природу, никогда от нее не отделяется и так ее характеризует, что без этого она не была бы тем, что есть, а именно, нравственной человеческой природой». Форма нравственной жизни – это «разумное соотношение фактов внутреннего опыта». Благодаря ей человек способен «связывать различным образом и направлять к разным целям» свои мысли, желания и чувствования, отсюда, согласно Карпову, и происходит множественность ощущений (Карпов, 1868: 202-203).

По этой причине посредством психологии возможно «оценивать и современную, и историческую деятельность человека». Таким образом, Карпов в первую очередь постулирует значимость психологии как этической дисциплины. Получается, что, по Карпову, психология – искусство внутреннего созерцания себя, своеобразная совесть, вынесение оценки собственной «умственной деятельности и совершенствования». Традиционно в качестве методов психологии Карпов указывает внутренний опыт и самопознание. Но свою методологию он обогащает философскими стратегиями, поскольку считает, что, ограничивая психологию исключительно внутренним опытом и сознанием, невозможно группировать и классифицировать явления внутренней жизни, следовательно, в психологии нужен не только анализ, то есть, фактически, опытная психология, но и синтез, то есть психология умозрительная. Цель психологии, и тут Карпов продолжает линию Фишера, хотя ссылается на Лейбница и Вольфа, – самоусовершенствование человека. Он говорит: «Душа сама в себе не Бог, не природа, не человек, поскольку человек также телесен, но она должна раскрывать в человеке лучшее – истину, добро и красоту. В этом ее большая польза. Она вводит в сознание и осмысляет наши стороны жизни, разные, даже инстинктивные, и дает нашей душе способ совершенствоваться» (Карпов, 1868: 219). Но вот что представляет несомненный интерес, так это концепция областей психологии Карпова. Заканчивая свою работу, мыслитель указывает, что психология состоит из трех разделов – феноменологии души (описывает разные явления сознания), биологии души (соотносит явления сознания с человеческой природой) и патологии души (занимается душевными болезнями).

От опытной психологии к психологии экспериментальной

Одним из учеников Карпова был А.Е. Светилин, чьи «Лекции по психологии» не опубликованы, однако они достаточно хорошо изучены (Хондзинский, 2015). Подход к психологии Светилина был описан в его некрологе в 1887 г. О. Эрихсенем, замечавшим: «Признавая самостоятельность духовной субстанции и существование независимого от материи источника психических явлений, борясь против воззрений как грубых, так и умеренных материалистов, Светилин вместе с тем требовал полного освобождения психологии от метафизических предпосылок, отказываясь от попытки сделать предметом изучения саму субстанцию духа и считая возможным научно исследовать только душевные явления» (Эрихсен, 1887). Эрихсен также утверждал, что для Светилина была важна и экспериментальная психология, разрабатываемая в это время В. Вундтом, поскольку она позволяла изучать взаимосвязи физиологии и психологии.

Этот переход от опытной к экспериментальной психологии еще более очевиден по трудам другого профессора СПбДА – В.С. Серебренникова. В 1879 г. Вундт открыл в Лейпциге первую в мире лабораторию экспериментальной психологии (Ждан, 2004: 237), которую, как и лекции немецкого психолога, посещал Серебренников. Хотя с рядом идей Вундта Серебренников не соглашался, в его труде 1899 г. «Опытная психология и ее методы» прослеживается влияние ключевых концепций Вундта. Когда Серебренников пишет о традиционной психологии, он отмечает, что ее методы можно разделить на две группы: методы «ознакомления с единичными фактами душевной жизни» и методы «обработки этих фактов согласно задачам психологии» (Серебренников, 1899: 641).

При этом методом для ознакомления с фактами служит исключительно наблюдение, как наблюдение за другими людьми (внешнее наблюдение), так и за собой (интроспекция, или внутреннее наблюдение). Этот метод несовершенен из-за своей субъективности. Интересно, что Серебренников считает важным аспектом восприятия то, что наше восприятие окружающих, их чувств и переживаний невозможно без подобного личного опыта, на котором мы основываемся, интерпретируя опыт других людей. Фактически в этих рассуждениях он очень близок к разработке теории эмпатии, которая столь важна для современной психологии, и объясняет биологические основания морали и альтруистического поведения. Серебренников при этом полагал, что с восприятием опыта другого (эмпатией) связан и «очень крупный недостаток», присущий объективному наблюдению, – его неточность, поскольку душевная жизнь других «обнаруживается нами в той мере, в какой она обнаруживается вовне и в этих обнаружениях понимается нами» (Серебренников, 1899: 656). В России за несколько лет до этого феномен эмпатии описывался А.А. Токарским, вообще считавшим сочувствие, трактуемое им как «временное чувство, возникающее в ответ на те или другие выражения чувств, испытываемых другим человеком» (Токарский, 1895: 123), источником возникновения нравственности, в чем его идея необыкновенно современна.

По мнению Серебренникова, каждое душевное явление можно рассматривать с двух точек зрения: как предмет созерцания, имеющий точное содержание, и как событие, для возникновения которого необходимы определенные условия. При этом, в идеале, душевные явления должны нами обнаруживаться в «совершенно определенном и неизменном знаке», видимо, виде, и этот «знак» (вид) должен в нас вызывать одинаковые душевные представления. В действительности добиться выполнения этих условий, по Серебренникову, невозможно. Психическая жизнь динамична, и одни и те же феномены не проявляются в ней в точности одинаково даже у одного и того же человека, а восприятие субъективно. Кроме того, без последующей систематической научной обработки полученные данные представляют собой «беспорядочное разнообразие». «Задача психологии – свести это разнообразие к единству, открыть лежащую в основе душевной жизни сущность,

с неизменными законами ее развития» (Серебренников, 1899: 660). Для осуществления этой задачи психологи пользуются не специфически психологическими методами, а «методами сравнивающей деятельности ума», т.е. сравнительным методом, раскрывающим логику и взаимосвязи явлений, который свойственен гуманитарным дисциплинам. Таким образом, Серебренников выдвигает платформу своеобразной феноменологии душевных явлений и их последующей классификации, основывающейся на логических умозаключениях. Резюмируя, Серебренников пишет: «Неудивительно поэтому, что традиционная психология очень и очень далека от идеального состояния» (Серебренников, 1899: 662). Ссылаясь на статью Вундта «Задачи экспериментальной психологии» 1882 г., Серебренников утверждает, что решить методологические проблемы опытной психологии возможно за счет привлечения экспериментальных методов.

В 1882 г. теория экспериментальной психологии Вундта еще только развивалась, свое более полное воплощение она получит в работе 1887 г. «Очерки психологии» (*Grundriss der Psychologie*), переведенной в 1912 г. на русский язык, куда войдут и предшествующие статьи Вундта по экспериментальной психологии (Вундт, 1912a). Однако еще в 1886 г. в Санкт-Петербурге был опубликован труд «Очерк психологии» (Вундт, 1886), который содержал значительную часть статей, позднее вошедших в «Очерки», поэтому русскоязычный читатель был знаком с концепцией экспериментальной психологии Вундта и раньше. Согласно немецкому психологу, экспериментальные методы психологии подобны методам естествознания и призваны «осуществить точный анализ психических процессов, подобный анализу, предпринимаемому естествознанием в применении к явлениям природы» (Вундт, 1912a: 242). При этом эксперименты не исключали наблюдения и интроспекции, а только позволяли сделать их точнее.

Согласно Вундту, далеко не вся область психического поддается экспериментальному исследованию, а только элементарные процессы. Высшие психические процессы Вундт предлагал изучать в рамках параллельно разрабатываемой им психологии народов, которая, как известно, основывалась на анализе языка, мифологии и обычаев и нашла свое отражение на страницах одноименного десятитомного труда, издаваемого с 1900 по 1920 годы. Небольшая теоретическая часть этого гигантского сочинения была переведена на русский язык и опубликована в 1912 г. под названием «Проблемы психологии народов» (Вундт, 1912b). Стоит подчеркнуть, что психология народов Вундта может быть смело названа именно психологией религии. Удивительным образом в дальнейшем развитии психологии религии его концепция была оставлена практически на столетие, обретя новую жизнь лишь в связи с концепцией культурной психологии Якоба Белзена (Belzen, 2010). Экспериментальная же психология Вундта, находясь в рамках исследования элементарных явлений, изучает ощущения, время реакций, простейшие ассоциации и представления. Вундт использовал материальные раздражители и регистрировал вызываемые ими эффекты и время реакций. В этом смысле его экспериментальная психология, как он отмечает, не столько психологическая, сколько психофизическая, и Вундт пытался применять в ней методологию естественных наук.

Вслед за Вундтом Серебренников полагает, что «эксперимент является особым видом наблюдения», заключающегося «в наблюдении над переменами, производимыми нами в явлениях посредством произвольного систематического изменения их условий с целью выяснения их происхождения» (Серебренников, 1899: 666). «Цена выше всего точные факты», экспериментальная психология «расчленяет душевную жизнь на отдельные явления и исследует каждое из них особо», а результаты ее исследований «отличаются конкретной определенностью» (Серебренников, 1899: 667). Эксперимент в психологии имеет два главных преимущества по сравнению с просто наблюдением. Можно создавать одинаковые условия для наблюдаемых явлений, можно точнее выявить саму природу и происхождение этих явлений, повторяя эти явления в разных условиях. Причем изменение этих условий может быть и количественное, и качественное. В эксперименте можно также изучать продолжительность и силу различных душевных явлений. Любопытно, что Серебренников критикует И. Канта, считая, что идея о том, что измерение душевных явлений невозможно, это восходящий к философии Канта «предрассудок» (Серебренников, 1899: 669).

Иной подход предлагает Серебренников, утверждая, что его экспериментальная психология – это вовсе не физиологический способ и не психофизический (Вундт), а именно психологический. Подобные измерения, согласно Серебренникову, были бы психофизиологическими, если бы основывались исключительно на физиологических процессах, а поскольку они измеряют душевные явления, то таким образом они не физиологические и даже не психофизические, а именно психологические. Получается, что Серебренников, хотя и находился под влиянием работ Вундта, был с ним принципиально не согласен и не считал, что, наряду с физиологией и теоретической психологией, нужна некая промежуточная психофизиология, их объединяющая.

Более того, Серебренников пишет, что в результате вундтовского разделения психологии «общество повернулось спиной к экспериментальной психологии». И далее: «Мысль Вундта была ошибочной. Экспериментальные исследования показали, что душевные явления, например память, воображение, и пр., можно изучать экспериментальным путем не с психофизиологической, а с психологической точки зрения» (Серебренников, 1899: 675–676). Серебренников считал, что и сам Вундт якобы к этому в итоге пришел и признал свою ошибку, что представляется несколько спорным,

поскольку скорее речь может идти не об изменении позиции Вундта относительно экспериментальной психологии, а о его программе психологии народов.

Подводя итог анализу экспериментальной психологии Серебренникова, стоит подчеркнуть, что для него это естественная наука, при этом «отличающаяся от физиологической или психофизиологической». Можно предположить, что одной из причин, побудивших Серебренникова подчеркивать психологическую основу экспериментальной психологии, могло быть критическое отношение духовенства к попыткам исследовать душу материальными средствами. В результате отметим, что Серебренников в своем подходе пытается совместить, на наш взгляд, не вполне совместимое: и строго научный метод экспериментальной психологии, восходящий к Вундту, и отрицание физиологической основы из этого метода. В своем подходе к психологии религии Серебренников, как и другие профессора духовных академий, пытался совместить строгий экспериментальный подход, свойственный европейской научной психологии того времени, с традиционным христианским учением о душе. Его необыкновенное увлечение психологией оказало значительное воздействие на учащиеся Санкт-Петербургской духовной академии, что в 1900 г. вылилось в образование в ней Студенческого психологического общества.

5. Заключение

Таким образом, мы можем проследить, как на протяжении второй половины XIX в. в Санкт-Петербургской духовной академии произошел переход от преподавания и изучения опытной психологии к психологии экспериментальной, что вполне отражало мировые тенденции развития психологического знания и методологии, находящиеся в информационном поле как преподавателей, так и студентов СПбДА. Интересно, что Петербургская психологическая школа, возникшая и развивающаяся в СПбДА, заметно отличалась от школ других духовных образовательных центров России. Например, подход и работы профессора Московской духовной академии А.И. Введенского можно скорее охарактеризовать как религиозно-философские. В этом плане очень показателен его труд «Религиозное сознание язычества» (Введенский, 1902), который фактически представляет собой учебник по истории религий, написанный в стиле работ голландской школы К. Тиле. Однако среди петербургского духовенства формировался более естественно-научный и в меньшей степени гуманитарный подход к психологии религии, что соответствовало и статусу Петербурга как ключевого мирового центра по исследованиям физиологии и психоневрологии, каким город стал благодаря трудам И.М. Сеченова и В.М. Бехтерева.

6. Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 22-28-00862 «Инфосфера духовных учебных заведений Российской империи XIX – нач. XX вв.»

Литература

- Абульханова-Славская и др., 1997 – Абульханова-Славская К., Анцыферова Л., Брушлинский А. и др. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. М., 1997. 576 с.
- Авсенов, 1869 – Авсенов П.С. Из записок по психологии. Киев, 1869. XVI, 246 с.
- Ананьев, 1947 – Ананьев Б.Г. Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков. М., 1947. 168 с.
- Васильев, 2010 – Васильев В.В. Философская психология в эпоху Просвещения. М., 2010. 520 с.
- Введенский, 1902 – Введенский А.И. Религиозное сознание язычества (опыт философской истории естественных религий). Том I. Основные вопросы философской истории естественных религий (Prole-gomena), религии Индии. М., 1902. 752 с.
- Вундт, 1886 – Вундт В. Очерк психологии. СПб., 1886. 224 с.
- Вундт, 1912a – Вундт В. Очерки психологии. М., 1912. 300 с.
- Вундт, 1912b – Вундт В. Проблемы психологии народов. М., 1912. 132 с.
- Герbart, 2007 – Герbart И.Ф. Психология. М., 2007. 288 с.
- Давыденков, 2013 – Давыденков О. Догматическое богословие. М., 2013. 624 с.
- Ждан, 2004 – Ждан А.Н. История психологии. От Античности до наших дней. М., 2004. 576 с.
- Кандорский, 1796 – Кандорский И.М. Наука о душе, или Ясное изображение ее совершенств, способностей и бессмертия. М., 1796. 184 с.
- Карпов, 1868 – Карпов В.Н. Вступительная лекция в психологию // Христианское чтение. 1868. № 2. С. 189-229.
- Кикодзе, 1858 – Кикодзе Г. Основания опытной психологии. СПб., 1858. 336 с.
- Колубовский, 1901 – Колубовский Я.Н. Фишер, Адам Андреевич / Русский биографический словарь: В 25 томах. СПб.-М., 1901. Т. 21. С. 150-151.
- Костригин, Стояхина, 2016 – Костригин А.А., Стояхина Н.Ю. Умозрительная и интроспективная психология в России в XIX – начале XX вв.: определение понятий, границы направлений // Психология и психотехника. 2016. № 9(96). С. 755-763.

Мазиллов, Костригин, 2016 – Мазиллов В.А., Костригин А.А. Психология в системе философского знания XIX в.: богословская традиция // *Вестник ПСТГУ. Серия 4 «Педагогика. Психология»*. 2016. № 3(42). С. 97-111.

Михельсон, 2018 – Михельсон О.К. Из истории российского религиоведения: у истоков научной психологии религии в России (конец XIX – начало XX в.) // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2018. № 1. С. 145-170.

Первое присуждение, 1869 – Первое присуждение премии Преосвященного Архиепископа Макария, назначенной за учебники для духовных семинарий // *Харьковские епархиальные ведомости*. 1869. № 18.

Рибо, 1897 – Рибо Т. Психология чувств: В 2 частях. Киев, 1897. 378 с.

Серебренников, 1899 – Серебренников В.С. Опытная психология и ее методы // *Христианское чтение*. 1899. № 1. С. 639-677.

Сеченов, 1947 – Сеченов И.М. Кому и как разрабатывать психологию / Избранные философские и психологические произведения. М., 1947. С. 222-308.

Стебнев, 2017 – Стебнев А.С. История развития психологии в Санкт-Петербургской духовной академии в дореволюционный период // *Психологические, социальные и педагогические исследования*. 2017. № 22. С. 88-90.

Терновский, 1884 – Терновский Ф.А. Авсенева, Петр Семенович / Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета св. Владимира (1834–1884). Киев, 1884. С. 9.

Токарский, 1895 – Токарский А.А. Происхождение и развитие нравственных чувств // *Вопросы философии и психологии*. 1895. № 1(26). С. 115-144.

Фишер, 1839 – Фишер А.А. Введение в опытную психологию. СПб., 1839. 53 с.

Хондзинский, 2015 – Хондзинский П.В. Синтез опытной психологии и метафизики в духовно-академической науке второй половины XIX столетия: А.Е. Светилин и его ученики // *Государство. Религия. Церковь*. 2015. № 4(33). С. 152-174.

Чистович, 1868 – Чистович И.А. Курс опытной психологии. СПб., 1868. VIII, 272 с.

Чумакова, 2022 – Чумакова Т.В. Инфосфера духовных учебных заведений Российской империи XIX – начала XX в. // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2022. № 2. С. 264-274.

Шеховцова, Зенько, 2017 – Шеховцова Л.Ф., Зенько Ю.М. Психология в духовных школах России // *Христианская психология*. 2017. № 1. С. 9-34.

Эрихсен, 1887 – Эрихсен О. Светилин // *Церковный Вестник*. 1887. № 31.

Belzen, 2010 – Belzen J. A. Towards cultural psychology of religion: principles, approaches, applications. Dordrecht, 2010. 284 p.

Murisier, 1901 – Murisier E. Les maladies du sentiment religieux. Alcan, 1901. 174 p.

References

Abul'hanova-Slavskaya dr., 1997 – Abul'hanova-Slavskaya, K., Ancyferova, L., Brushlinskij, A. (1997). Psihologicheskaya nauka v Rossii XX stoletiya: problemy teorii i istorii. [Psychological science in Russia of the XX century: Problems of Theory and History]. Moscow. 576 p. [in Russian]

Anan'ev, 1947 – Anan'ev, B.G. (1947). Ocherki istorii russkoj psihologii XVIII i XIX vekov. [Essays on the History of Russian Psychology of the XVIII and XIX centuries]. Moscow. 168 p. [in Russian]

Avsenev, 1869 – Avsenev, P.S. (1869). Iz zapisok po psihologii. [From Notes on Psychology]. Kiev, XVI +246 p. [in Russian]

Belzen, 2010 – Belzen, J.A. (2010). Towards Cultural Psychology of Religion: Principles, Approaches, Applications. Dordrecht. 284 p.

Chistovich, 1868 – Chistovich, I.A. (1868). Kurs opytnoj psihologii. [The Course of Experience Psychology]. St.Petersburg. VIII, 272 p. [in Russian]

Chumakova, 2022 – Chumakova, T.V. (2022). Infosfera dukhovnykh uchebnykh zavedenii Rossiiskoi imperii XIX – nachala XX v. [Infosphere of theological schools of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*. 2: 264-274. [in Russian]

Davydenkov, 2013 – Davydenkov, O. (2013). Dogmaticheskoe bogoslovie [Dogmatic Theology]. Moscow. 624 p. [in Russian]

Erihsen, 1887 – Erihsen, O. (1887). Svetilin. [Svetilin]. *Tserkovnyj Vestnik*. 31. [in Russian]

Fisher, 1839 – Fisher, A.A. (1839). Vvedenie v opytnuyu psihologiyu. [Introduction to Experience Psychology]. St.Petersburg. 53 p. [in Russian]

Gerbart, 2007 – Gerbart, I.F. (2007). Psihologiya [Psychology]. Moscow. 288 p. [in Russian]

Kandorskij, 1796 – Kandorskij, I.M. (1796). Nauka o dushe, ili YAsnoe izobrazhenie ee sovershenstv sposobnostej i bessmertiya. [The Science of the Soul, or a Clear Picture of its Perfections of Abilities and Immortality]. Moscow. 184 p. [in Russian]

- Karpov, 1868** – *Karpov, V.N.* (1868). Vstupitel'naya lekciya v psihologiyu. [Introductory Lecture in Psychology]. *Khristianskoe chtenie*. 2: 189-229. [in Russian]
- Khondzinsky, 2015** – *Khondzinsky, P.V.* (2015). Sintez opytnoj psihologii i metafiziki v duhovno-akademicheskoy nauke vtoroj poloviny XIX stoletiya: A.E. Svetilin i ego ucheniki. [Synthesis of Experience Psychology and Metaphysics in Spiritual and Academic Science of the second half of the XIX century: A.E. Svetilin and his Students]. *Gosudarstvo. Religiya. Cerkov'*. 4 (33): 152-174. [in Russian]
- Kikodze, 1858** – *Kikodze, G.* (1858). Osnovaniya opytnoj psihologii. [The Foundations of Experience Psychology]. St. Petersburg. 336 p. [in Russian]
- Kolubovskij, 1901** – *Kolubovskij, Ya.N.* (1901). Fisher, Adam Andreevich [Fisher, Adam Andreevich]. In "Russkij biograficheskiy slovar". St. Petersburg-Moscow. Vol. 21, pp. 50-151. [in Russian]
- Kostrigin, Stoyuhina, 2016** – *Kostrigin, A.A., Stoyuhina, N.Yu.* (2016). Umozritel'naya i introspektivnaya psihologiya v Rossii v XIX – nachale XX vv.: opredelenie ponyatij, granicy napravlenij. [Speculative and Introspective Psychology in Russia in the XIX – early XX centuries: Definition of Concepts, Boundaries of Directions]. *Psihologiya i psihotekhnika*. 9(96): 755-763. [in Russian]
- Mazilov, Kostrigin, 2016** – *Mazilov, V.A., Kostrigin, A.A.* (2016). Psihologiya v sisteme filosofskogo znaniya XIX v.: bogoslovskaya tradiciya. [Psychology in the System of Philosophical Knowledge of the XIX century: the Theological Tradition]. *Vestnik PSTGU. Seriya 4: Pedagogika. Psihologiya*. 3(42): 97-111. [in Russian]
- Mihel'son, 2018** – *Mihel'son, O.K.* (2018). Iz istorii rossijskogo religiovedeniya: u istokov nauchnoj psihologii religii v Rossii (konec XIX – nachalo XX v.). [From the History of Russian Religious Studies: the Origins of Scientific Psychology of Religion in Russia (late 19th – early 20th centuries)]. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom*. 1: 145-170. [in Russian]
- Murisier, 1901** – *Murisier, E.* (1901). Les maladies du sentiment religieux [Diseases of religious sentiment]. Alcan. 174 p. [in French]
- Pervoe prisuzhdenie, 1869** – Pervoe prisuzhdenie premii Preosvyashchennogo Arhiepiskopa Makariya, naznachenoj za uchebniki dlya duhovnyh seminarij [The first award of the Right Reverend Archbishop Makarii Award for Textbooks for Theological Seminaries]. *Khar'kovskie eparhial'nye vedomosti*. 1869. 18: 3. [in Russian]
- Ribot, 1897** – *Ribot, T.* (1897). Psihologiya chuvstv [The Psychology of the Emotions]. Kiev. 378 p. [in Russian]
- Sechenov, 1947** – *Sechenov, I.M.* (1947). Komu i kak razrabatyvat' psihologiyu. [Who and how should Develop Psychology]. In "Izbrannye filosofskie i psihologicheskie proizvedeniyai". Moscow. Pp. 222-308. [in Russian]
- Serebrennikov, 1899** – *Serebrennikov, V.S.* (1899). Opytnaya psihologiya i ee metody [Experience Psychology and its Methods]. *Khristianskoe chtenie*. 1: 639-677. [in Russian]
- Shekhovcova, Zen'ko, 2017** – *Shekhovcova, L.F., Zen'ko, Yu.M.* (2017). Psihologiya v duhovnyh shkolah Rossii. [Psychology in the Theological Schools of Russia]. *Khristianskaya psikhologiya*. 1: 9-34. [in Russian]
- Stebnev, 2017** – *Stebnev, A.S.* (2017). Istoriya razvitiya psihologii v Sankt-Peterburgskoj duhovnoj akademii v dorevolucionnyj period. [The history of the development of psychology at the St. Petersburg Theological Academy in the pre-revolutionary period]. *Psihologicheskie, social'nye i pedagogicheskie issledovaniya*. 22: 88-90. [in Russian]
- Ternovskij, 1884** – *Ternovskij, F.A.* (1884). Avsenev, Pyotr Semyonovich. [Avsenev, Pyotr Semyonovich]. In "Biograficheskiy slovar' professorov i prepodavatelej Imperatorskogo universiteta sv. Vladimira (1834–1884)". Kiev. P. 9. [in Russian]
- Tokarskij, 1895** – *Tokarskij, A.A.* (1895). Proiskhozhdenie i razvitie нравstvennyh chuvstv. [Origin and Development of Moral Feelings]. *Voprosy filosofii i psihologii*. 1(26): 115-144. [in Russian]
- Vasil'ev, 2010** – *Vasil'ev, V.V.* (2010). Filosofskaya psihologiya v epohu Prosveshcheniya. [Philosophical Psychology in the Age of Enlightenment]. Moscow. 520 p. [in Russian]
- Vvedenskij, 1902** – *Vvedenskij, A.I.* (1902). Religioznoe soznanie yazychestva. [The Religious Consciousness of paganism]. Moscow. 752 p. [in Russian]
- Wundt, 1886** – *Wundt, W.* (1886). Oчерк psihologii. [An Essay on Psychology] St.Petersburg. 224 p. [in Russian]
- Wundt, 1912a** – *Wundt, W.* (1912). Oчерки psihologii. [Essays on Psychology]. Moscow. 300 p. [in Russian]
- Wundt, 1912b** – *Wundt, W.* (1912). Problemy psihologii narodov. [Problems of Psychology of Peoples] Moscow. 132 p. [in Russian]
- Zhdan, 2004** – *Zhdan, A.N.* (2004). Istoriya psihologii. Ot Antichnosti do nashih dnei [History of psychology. From Antiquity to the present day]. Moscow. 576 p. [in Russian]

**Психология религии в инфосфере российских духовных академий XIX – нач. XX вв.
(на примере Санкт-Петербургской духовной академии)**

Ольга Константиновна Михельсон ^{a, *}, Николай Станиславович Поляков ^a

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу инфосферы духовных учебных заведений Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. в области психологии религии. Особое внимание уделяется психологии религии в Санкт-Петербургской духовной академии. В статье представлена история становления и развития психологии религии среди петербургского духовенства, прослежен ее путь от опытной психологии к психологии экспериментальной, выделена специфика, характерная для Санкт-Петербургской школы. В статье демонстрируется, что психология религии в духовных учебных центрах, хоть и развивалась внутри православной богословской традиции, находилась в рамках современного ей мирового информационного поля и была под значительным влиянием передовых философских и научных теорий того времени, а в некоторых частных вопросах даже опережала западную традицию психологии религии. Особое внимание в статье уделено интерпретации теорий А.А. Фишера, основателя опытной психологии в России, И.А. Чистовича и его «Курса опытной психологии», подходу В.Н. Карпова к психологии религии как к основанию этики, В.С. Серебренникову и его переходу от опытной психологии к экспериментальной психологии, в основном вдохновленному идеями В. Вундта. В статье демонстрируется, что среди петербургского духовенства формировался более естественно-научный и в меньшей степени гуманитарный подход к психологии религии, чем в других духовных академиях России, что соответствовало статусу Петербурга как ключевого мирового центра по исследованиям физиологии и психоневрологии того времени.

Ключевые слова: психология религии в Санкт-Петербургской духовной академии, опытная психология, экспериментальная психология, Чистович, Карпов, Серебренников.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: olia_mikhelson@mail.ru (О.К. Михельсон)